Мишин Юрий Дмитриевич, Кочнев Евгений Анатольевич

АКТУАЛЬНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЧЕТАНИЯ СИСТЕМНОГО И ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ В ПОНИМАНИИ ТЕРРОРИЗМА

Исследуются история и современное состояние терроризма; рассмотрение развития терроризма базируется на сочетании диалектического и системного подходов, позволяющих достигнуть исторической и социокультурной конкретности понимания явления. Новизна материала - в философском обосновании утраты современным терроризмом целесообразности по причине нарушения главного системного требования - определять цель и средство ее достижения конкретностью "пространство - время". Террор лишился статуса необходимости, терроризм - "действительности" и "разумности".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (60): в 3-х ч. Ч. III. С. 118-123. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 101.1:316
Философские науки

Исследуются история и современное состояние терроризма; рассмотрение развития терроризма базируется на сочетании диалектического и системного подходов, позволяющих достигнуть исторической и социокультурной конкретности понимания явления. Новизна материала – в философском обосновании утраты современным терроризмом целесообразности по причине нарушения главного системного требования – определять цель и средство ее достижения конкретностью «пространство – время». Террор лишился статуса необходимости, терроризм – «действительности» и «разумности».

Ключевые слова и фразы: террор; терроризм; цели деятельности; средства достижения; научное познание; системный подход; диалектическое мышление; история.

Мишин Юрий Дмитриевич, к. филос. н., профессор
Кочнев Евгений Анатольевич
Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск
filos@stu.ru; kochnev10@ngs.ru

АКТУАЛЬНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЧЕТАНИЯ СИСТЕМНОГО И ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ В ПОНИМАНИИ ТЕРРОРИЗМА©

Набрав силу в условиях нарастания социально-экономических и политических противоречий XX столетия, терроризм предстал в наше время наиболее деструктивным историческим явлением. Изменились масштабы терроризма, цели, формы, средства. И, как следствие, изменилось отношение к данному явлению в обществе.

С точки зрения здравого смысла, отражающего преимущественно практическую сторону человеческой жизни, оценивающего непосредственные, практические результаты и возможности развития, ставка на террор бесперспективна, когда имеются реальные механизмы демократического разрешения конфликтов в социальных отношениях и взглядах на них в обществе. К сожалению, здравый смысл при всей своей привлекательности, потерял первобытную общественную значимость. Только тогда люди руководствовались соображениями здравого смысла, ибо ничего другого у наших далеких предков не было.

Сегодня человечество выстраивает свое отношение к миру на возможности свободы выбора решений, конкуренции вариантов поведения, предпочтительности в понимании жизненных ценностей, не всегда, к сожалению, выверяя планы во времени, подчиняясь нередко чувственной конкретности. В итоге получилось то, что видим: здравым смыслом объясняют необходимость террора террористы и те, кто не приемлет террор в качестве метода политической борьбы, также ссылаются на здравый смысл. Складывается впечатление логического тупика или, как писал Леви Брюль, объясняя «алогичность» мышления аборигенов, пралогичности деятельности разума [3, с. 242]. На самом деле речь идет о том, что оценка явления предполагает использование в познании соответствующей методологии, учитывающей специфику статуса его как части целого, общего; конкретности реальности феномена как результата развития во времени и пространстве, позволяющей понять возможные последствия – непосредственные и опосредованные.

Нам предоставлено право мысленно вычленять объект познания из потока времени и обстоятельств действия, но только при условии, что это есть технологически вынужденное действие, предполагающее итоговое заключение, учитывающее системное положение объекта, всех его связей, раскрывающих закономерность существования и изменения. Особую ценность в понимании терроризма приобретает системный подход на базе диалектического метода.

После того, как террор вышел за рамки исключительной практики отдельных политических организаций, были сняты жесткие ограничения на осуществление терактов, началась новая глава его истории. Террор из эксклюзивного явления трансформировался в систему основных действий, перерос национальные пределы, превратился в транснациональный беспредел. Понимание террора стало размываться, а оценка террористической практики политизироваться в контексте идеологической свободы. Саморазвитие терроризма достроилось в интересах тех политических сил, которые заинтересованы в дестабилизации обстановки в мире любыми средствами. Если в прошлом терроризм опирался на идеологические основания, то сейчас интерес террористов откровенно сместился в сторону финансовой выгоды.

Время существенно изменило это, всегда опасное крайностью своих действий, социально-политическое явление. Вместе с тем, время подтвердило правоту тех, кто уже в началах террора сумел разглядеть несовместимость признания данного явления с общественным прогрессом. Идеология, нацеленная на преодоление социального зла, обязана в равной мере ответственно выстраивать цели борьбы и обосновывать допустимые для превращения цели в результат действия. Идеологическая система должна быть сбалансирована, иначе она неизбежно переродится в экстремистское учение. Объективно обусловленный факт взаимозависимости цели и средств ее достижения осознали еще в поздней античности. Не случайно среди первых наставлений Гиппократа было «…не навреди!».

© Мишин Ю. Д., Кочнев Е. А., 2015

Противодействие терроризму осложнилось, что имеет свои причины. Первая из них – в искусственно создаваемой политической напряженности. Разрядка в международных отношениях, полученная ценой Второй мировой войны, оказалась скоротечной. Победа над фашизмом не устранила противоречий, породивших сам фашизм. Реальность экономическая и политическая, как и прежде, оттеснила на периферию надежду народов на взаимопонимание. Можно искать конкретных виновных, только какой в этом смысл? Две мировые системы не могли не конкурировать, а конкуренция, в конечном счете, ведет к экономическим интересам.

Распад мировой соцсистемы объективно привел к активизации победивших, которые, в свою очередь, пожелали стать хозяевами мира. Что же касается демократии, то она в очередной раз показала свою историческую абстрактность. Ее сделали целью политики, выведя тем самым проблему средств осуществления демократических целей за рамки демократических принципов. Демократию «модернизировали». Беспринципность в политике – главная причина распространения терроризма в XX-XXI столетиях. США нужна политическая напряженность любой ценой, чтобы сохранить авторитет ведущей державы. Альтернатива – дефолт, которого еще не знала история и которого не меньше американцев боятся традиционные и новые их союзники. Активизация терроризма дает выигрыш времени и раздвижение пространства интересов. В политике появилось адекватное понятие «управляемый хаос».

Логично предположить о значительности потерь в управлении хаосом, но и у паровоза КПД не превышал 6-7%, что не помешало ему быть локомотивом истории, вывести человечество в эпоху атомной энергии. Террористы современного поколения меньше всего думают о прогрессе, напротив, чаще в их политических программах встречаются призывы вернуться к отношениям, освещенным религиозными источниками в виде созидательных ценностей.

Теоретически и субъективно террористы стремятся противостоять империалистам, но практически и объективно они выступают в качестве средств осуществления империалистической политики. Происходящее желательно называть своим именем – стратегия однополярного мира есть не что иное, как современное выражение империализма. Большинство центров транснациональных компаний сосредоточено на территории государства, поставившего целью взять под контроль процесс мирового развития.

В подобной ситуации терроризм как феномен исторического действия не только сам заметно изменился, но потребовал и соответствующего идеологического и политического прикрытия. Важно было создать более сложный имидж террора, что и делается с привлечением масс-медиа, в связи с чем, актуально не ограничиваться гневными разоблачениями. Необходимо помочь массовому сознанию четко определиться с понятиями, характеризующими террор, выстроить систему таковых понятий и подключить диалектические требования к анализу терроризма как системного явления. В первую же очередь надо отдифференцировать сложившиеся подходы к террору в инструментах общественного познания и формирования общественного мнения.

На наш взгляд, целесообразно выделить четыре типа рассмотрения терроризма: 1) массмедийный (журналистский); 2) государственно-правовой; 3) научный; 4) философский (мировоззренческий и методологический). В список включены только подходы, отличающиеся универсальностью охвата явления. Религиозная оценка терроризма отсутствует по той же причине. Религиозный взгляд на терроризм нецелесообразно квалифицировать как отдельный вид толкования терроризма. Религиозность выступает в нем всего-навсего мировоззренческим прикрытием политических целей. Подтверждением такой оценки могут быть события 2013-2015 гг. в Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Без массмедийного отражения терроризма в условиях информационного общества объективно оценить действия террористов, их взгляды невозможно. Данное положение бесспорно, как впрочем, и тезис о том, что на уровне журналистских описаний и расследований понять и определить исторический статус терроризма нельзя. Центральная задача массмедийного отношения к любому социально-значимому явлению – формирование общественного мнения. При всей важности общественного мнения, следует строго различать истинное знание и мнение, даже если оно правильное. Знание отражает сущность события и форму проявления, мнение – отношение к явлению в контексте состояния общественного сознания и мировоззрения личности. Истинность и правильность могут совпадать и различаться в значительном диапазоне.

Очевидное превосходство массмедийной характеристики терроризма – в количестве и многообразии форм подачи материалов – способно влиять на качество понимания объекта внимания. Уместно, однако, напомнить, что непосредственно количество в качество не переходит. Новое качество, в том числе и знаний, рождается из прежнего качества в связи с количественными изменениями условий существования.

Опасность тенденциозности, вынужденных отступлений от объективности в оценках социально-политических явлений возрастает в силу ужесточения контроля над средствами массовой информации со стороны государств и акционеров. Свобода мнения и слова, закрепленная конституционно, дозволяет выражать не только собственное отношение к явлению. Можно проявить и солидарность с мнением других, не вступая в противоречия с демократическими нормами.

Издержки массмедийного восприятия терроризма ни в коем случае не повод относиться к журналистской деятельности с недоверием. Речь идет всего лишь об ограничениях восприятия явления профессионального характера. Необходимо реалистически оценивать возможности всякой профессиональной позиции. Массмедийный взгляд отражает *явление террора и формирует общественное, массовое мнение на примере факта.* Отсюда следует вывод: *качество массмедийной оценки находится на уровне объективизации факта. Описание факта должно соответствовать свершившемуся действию. Суждения обобщающего масштаба требуют иной профессиональной готовности.*

Важнейшее значение в понимании терроризма и противодействия террору имеет наука – история, политология, социология, психология, юриспруденция. Именно наука представляет собой тот культурный инструмент, с помощью которого человечество способно вскрыть явление и распознать его сущность: причины образования, механизмы развития, формы и закономерности существования. Все то, без чего нельзя взять явление под контроль общественно-прогрессивных сил. Благодаря способности погрузиться в суть объекта исследования, наука производит знания высшего порядка, обладающие интерсубъективностью. «Есть одно явление, которое определяет научную мысль и отличает научные результаты и научные заключения ясно и просто от утверждений философии и религии», – писал В. И. Вернадский, – «это общеобязательность и бесспорность правильно сделанных научных выводов, научных утверждений, понятий, заключений. Научные, логически правильно сделанные действия имеют такую силу только потому, что наука имеет свое определенное строение и что в ней существует область фактов и обобщений научных, эмпирически установленных фактов и эмпирически полученных обобщений, которые, по своей сути, не могут быть реально оспариваемы» [2, с. 69]. Уже после того, как известный ученый сделал данное признание, методология науки конкретизировала интересную деталь: наличие фактов, вступающих в противоречие с научным выводом, само по себе не может быть основанием отказать выводу в истинности [7, с. 68-69]. Необходимо выстроить на базе такого рода фактов альтернативную объясняющую теорию. Лишь в данном варианте целесообразно ставить прежнюю теорию под сомнение.

Научное познание – наиболее эффективная форма нашего мышления. К сожалению, и сам процесс познания в науке и опосредованный выход научных достижений в общественную жизнь через политику и экономику затрудняют доступ к научным достижениям массового сознания. Научные знания, в отличие от мастерства в журналистской подаче отдельно взятых фактов, не способны быть «ширпотребом». В итоге научная разработка проблемы терроризма в бóльшей мере остается уделом профессионалов ученых и спецслужб. *Противостоять же террористам необходимо именно направленными действиями просвещенного сознания масс.*

Сила научного познания сосредоточена в специфической методологии. Отмечая преимущества научной методологии, их, как правило, сводят к специфическим методам познания, функционирующим в системе универсальных способов логического мышления – анализа, синтеза, индукции, дедукции, аналогии, метафоре. Не всегда столь же выразительно представлена система верификационного обеспечения приложения научных методов. Именно в этом компоненте наиболее эффективно просматривается философия науки, обусловленность научного познания философской рефлексией [1, с. 57].

Терроризм – актуальная философская проблема, решаемая в двух аспектах: собственно философском, мировоззренческом – напрямую и методологическом – через придание системности и диалектичности научному анализу террора. Симбиоз научного и философского анализа терроризма создает необходимые предпосылки системной социокультурной оценки этого политического феномена, закладывает фундамент истинного понимания идеологии и практики террора, его прошлого, настоящего и будущего.

Духовные лидеры и политические вожди террористов хорошо сознают опасность для распространения движения научно-философской оппозиции, ищут альтернативу в религии и специфике массового сознания. Они активно идут на контакты с масс-медиа, не различая особенно идейной направленности средств массовой информации (далее – СМИ), справедливо считая это делом второстепенным. Современные СМИ, являясь главным каналом передачи информации о терактах, играют крайне важную роль в расчетах террористов. Без информационного прикрытия СМИ, освещающих то или иное событие, эффект от теракта будет невелик, достигнув лишь непосредственных свидетелей и жертв нападения, вместо того, чтобы оказать влияние на массовую «целевую аудиторию», на которую направлены действия террористов. Лишь создав информационную волну террористического насилия и направив ее на как можно бóльшую аудиторию, террористы имеют возможность заполучить максимально эффективное средство для достижения политических изменений [10, с. 85]. Для идеологов террора цель остается неизменной – посеять страх, неуверенность людей в своей защищенности, недоверие к действующей власти.

Разоблачая насильственные действия террористов, их безумие, наглость, беспощадность, масс-медиа вольно или невольно обеспечивают реализацию общего замысла организаторов терактов.

Специалисты неслучайно обращают внимание, что проведение массовых казней террористами ИГИЛ явно рассчитано на эффект телевизионной передачи. Средства массовой информации частному, достаточно локальному факту придают широкий масштаб, реально ограниченное явление превращают в форму, адаптированную к особенностям массового сознания, невольно вселяя ужас в миллионы людей. Что же касается науки и философии, то здесь оголена антигуманная и асоциальная суть терроризма без перспективы поменять оценку в зависимости от времени и обстоятельств. Даже волюнтаристические концепции в философии (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше) оставались верны высшему принципу философского типа мировоззрения – гуманистичности.

Насильственная суть террора только в тех ситуациях, когда экстремизм террористических действий оказывается в экстремистских обстоятельствах, может вызвать специфическое понимание вынужденностью. В общем смысле терроризм противоречит здравому смыслу культурно развитого человечества. Поэтому организаторы террора логично стремятся камуфлировать свои истинные идеи, придавать действиям «человеческое выражение» борьбы за справедливость. Терроризм расползается в условиях абстрактно толкуемой демократии, умело маскируется, в связи с чем, проблемой первоочередной значимости является универсальное определение терроризма, исключающее софистические манипуляции с понятиями.

Стремление понять терроризм, дать ему исторически адекватную оценку, чтобы на этой базе разработать эффективную программу борьбы с ним до полного искоренения, породило значительное число определений терроризма. В научных работах и национальных законодательствах насчитывается около 400 определений терроризма [8, с. 336]. Сказывается сложная история терроризма, его динамичность, разнообразие.

В имеющихся определениях терроризма несложно увидеть профессиональную специфику политиков, правоведов, историков, социологов, представителей масс-медиа, социальных психологов, религиозных деятелей. Каждый из них дает свое описание терроризма, что важно, но недостаточно для универсальности определения, претендующего на безусловную истинность.

Базой для определения терроризма и родственных ему явлений – террора, теракта естественно служит официальная политическая оценка, закрепленная государственными актами.

В Российской Федерации терроризм определен как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [5, полоса 12].

Китайское современное толкование терроризма предлагается в ст. 104 проекта антитеррористического закона как «любые мысли, речи и деятельность, которые посредством насилия, подрывных действий или угроз нацелены на создание паники в обществе, оказание влияния на процесс принятия политических решений, порождение межэтнической ненависти, подрыв государственной власти и раскол государства» [11].

Различные департаменты и агентства даже одного и того же правительства зачастую совершенно поразному понимают значение слова «терроризм», отражая приоритеты и интересы каждого из этих органов власти. К примеру, Госдепартамент США использует следующее определение терроризма, содержащееся в разделе 22 Свода законов США, параграф 2656f(d): «Предумышленное, политически мотивированное насилие, осуществляемое против мирных объектов субнациональными группами или секретными агентами, как правило, направленное на оказание влияния на общественность» [10, с. 23].

Федеральное бюро расследований (ФБР) США определяет терроризм как «незаконное применение силы либо насилия против лиц или собственности, направленное на устрашение или принуждение правительства, гражданского населения либо любого общественного сегмента ради достижения политических или социальных изменений» [Там же].

Министерство обороны США дает следующее определение: «...незаконное применение силы по собственной воле либо по принуждению против лиц или собственности с целью устрашить / оказать давление на правительство или общество, часто ради достижения политических, религиозных или идеологических целей» [Там же].

Известный зарубежный специалист Брюс Хоффман предлагает определить терроризм как «намеренное создание и использование страха путем применения насилия или угрозы насилия ради достижения политических изменений» [Там же, с. 27].

В том же направлении сочетания насилия со страхом для получения политического результата трактуют терроризм и отечественные исследователи: Е. Степанова [9, с. 23-24], Е. Лепехин [4, с. 243], В. Петухов [6, с. 16] и др.

В общем плане характеристика терроризма в научно-философской литературе выглядит обстоятельной, противоречия в понимании явления отодвинуты на второй план. Вместе с тем, у каждого исследователя, выражающего профессиональную точку зрения, есть свои предметные ограничения, в связи с чем, все двигаются в общем направлении, по своим путям, сталкиваются, но и не сходятся. Специфика профессионального подхода – необходимое условие прогресса в познании, но кто-то должен быть «диспетчером». За временем «разбрасывать камни» естественным образом наступает время их собирать. На протяжении бóльшей своей истории, философия опережала развитие частного знания. Новое время, особенно XIX век, существенно изменило ситуацию. О. Конт, Ф. Энгельс убедительно показали, что современная философия совершенствует понимание бытия и познания в зависимости от прорыва в частном знании. Надеяться разобраться в терроризме в рамках универсальности философского анализа бесперспективно.

Философии нужен определенный совокупный результат частных исследований. Только тогда возможна объективно выполненная философская рефлексия. Взаимодействие частного и философского исследования раскрывает доступ к сущности терроризма и создает необходимые предпосылки для разработки программы эффективной практической борьбы с террористами.

Будда был прав, определяя четыре практически значимых шага к цели, как правильное понимание, правильное решение, правильные слова (определение) и правильные действия.

Для начала разделим все задействованные в толковании терроризма понятия на две группы. В левую запишем те, которые раскрывают сущность – разного порядка – терроризма; в правую те, которые привлекают к характеристике терроризма в связи с террористической практикой, однако, не имеющие генетической связи с сутью терроризма. Таким образом, можно попытаться отдифференцировать описание терроризма, противопоставить террор действиям, схожим с ним по признакам проявления (Таблица 1).

Таблица 1.

Формы и субъекты политического насилия

• Терроризм – вид демонстративного политического насилия, оформленный идеологической парадигмой • Террор – насилие в форме крайних мер (убийство, захват заложников), имеющих политическую цель • Теракт – основная форма осуществления террора • Террорист, террористическая организация – субъекты террористических действий	• Политический экстремизм • Политический сепаратизм • Государственный террор • Политический авантюризм • Диверсионная деятельность • Диверсионная организация • Диверсант • Политический геноцид

Все приведенные выше насильственные действия объединяют следующие признаки: политическая направленность, незаконная форма осуществления, экстремистский характер. Терроризм, наряду с универсальными признаками политически направленного насилия, обладает и рядом специфических черт. Сочетая общие и особые признаки, терроризм можно определить как *совокупность демонстрационных, идеологически выстроенных действий насильственного характера, непосредственно направленных на изменения политического строя или политики, осуществляемых организацией в собственных социально-политических интересах, либо аналогичных интересах иных субъектов социальных отношений*. Системообразующими признаками терроризма являются непосредственная политическая нацеленность и демонстративная форма насильственного действия, подчеркивающая решительность намерений. Психологическая составляющая всегда была важнейшей частью действий террористов.

Терроризм полностью вписывается в практику политического экстремизма, но не исчерпывает объем данного явления, оно более емкое. К политическому экстремизму относятся «политический заговор», «политический сепаратизм», «политический геноцид». Терроризм совпадает с «политическим авантюризмом», но опять-таки не полностью. В арсенал террористических действий входит организация диверсий, но особого рода, в связи с чем, отождествлять террор с диверсионной работой было бы неправильно. Основным отличительным признаком между «чистыми» понятиями «терроризм» и «диверсионная деятельность» является демонстративность первого явления, показательная огласка себя и своих устремлений, в то время как второе стремятся провести тайно.

Между тем общественное представление о терроризме часто выстраивается на подмене понятий, что размывает действительный образ терроризма, мешает системному противодействию террору. Примерами неправомерного наложения понятия «сепаратизм» на понятие «терроризм» служат политические установки властей Украины, а также коалиции государств, пытающихся подавить протестное движение в Йемене. В том же ряду подмены понятий строилась политическая реакция европейских государств, участвовавших в свержении власти М. Каддафи в Ливии – сепаратистами назвали откровенных террористов. Цель обмана – заменить отрицательное отношение к противникам законной власти на позитивное, как к демократической оппозиции.

В новейшее время терроризм действительно предстал транснациональным феноменом. Однако разрастание масштабов терроризма не изменяет его качества. Современный масштаб террористических действий подтверждает реальную угрозу терроризма, подчеркивает необходимость консолидации антитеррористических усилий. По своей сути терроризм – продукт национального развития, порождение внутригосударственных условий протестного движения. Вне национального движения терроризм ускорено перерождается в любую форму экстремизма, вплоть до банального бандитизма. «Спасательным кругом» является для террористов идеологическое прикрытие, в частности, крайними толкованиями Корана. Но и здесь терроризм не найдет своего спасения по причине ускорения идеологической деградации движения, выхолащивания из него социальных приоритетов.

Расширяясь, терроризм размывает свою национально-историческую реальность, теряет элементы социокультурной составляющей, все более дегуманизируется. История, несмотря на ее очевидные противоречия, есть результат сознательной человеческой деятельности и меняющихся отношений социальных субъектов. Устойчивые в историческом времени проявления стремлений человеческих объединений, позволяют судить о них как о выражении закономерностей развития. Развитие в обществе всегда было развернутым процессом и по конкретным целям и в понимании конкретных способов достижения целей. Одни течения находили близкое к оптимальному совпадение целей и средств, действовали по обстоятельствам, другие рассчитывали на ускоренный вариант получения социополитического эффекта, шли на разбалансирование целей и средств, ссылаясь на неблагоприятные исторические условия. Так возникали экстремистские движения. Пытаясь раскачать историю, они разрушали ее социокультурное содержание.

Террор исторически обречен на разрушение изнутри. *В основе террористических движений лежит трагическое противоречие между гуманной социальной целью и античеловеческими практическими средствами получения желаемого результата*. Особенно ярко это противоречие проявилось во Франции в период Великой буржуазной революции и в отечественном протестном движении конца XIX – начала XX века.

Список литературы

1. **Верескун В. Д., Постников П. М., Мишин Ю. Д., Мартишина Н. И.** История и философия науки. Новосибирск: Наука, 2011. 344 с.
2. **Вернадский В. И.** Размышления натуралиста: в 2-х кн. М.: Наука, 1977. Кн. 2. 191 с.
3. **Леви-Брюль Л.** Первобытное мышление: хрестоматия по истории психологии. М.: Изд-во Московского ун-та, 1980. 296 с.

4. **Лепехин Е. А., Метелев С. Е., Некрасова Т. В., Соловьев А. А.** Современные термины и понятия терроризма и безопасности. Омск: Издатель В. В. Васильев, 2007. 282 с.
5. **О противодействии терроризму**: Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ // Российская газета. 2006. 10 марта.
6. **Петухов В. Б.** Терроризм как социокультурное явление: учебное пособие к спецкурсу по культурологии для студентов 3-го курса УлГТУ. Ульяновск: УлГТУ, 2006. 110 с.
7. **Поппер К.** Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.
8. **Природа этнорелигиозного терроризма** / под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Аспект-Пресс, 2008. 365 с.
9. **Степанова Е. А.** Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 7. С. 23-32.
10. **Хоффман Б.** Терроризм – взгляд изнутри. М.: Ультра Культура, 2003. 264 с.
11. **Цзуньюй Чжоу (Zunyou Zhou).** Китайское определение терроризма (“The Diplomat”, Япония) [Электронный ресурс]. URL: http://inosmi.ru/world/20150217/226307030.html (дата обращения: 27.07.2015).

TOPICALITY OF USING THE COMBINATION OF SYSTEMIC AND DIALECTIC APPROACHES IN TERRORISM UNDERSTANDING

Mishin Yurii Dmitrievich, Ph. D. in Philosophy, Professor
Kochnev Evgenii Anatol'evich
Siberian Transport University in Novosibirsk
filos@stu.ru; kochnev10@ngs.ru

The history and modern state of terrorism are examined; the study of terrorism development is based on the combination of dialectic and systemic approaches, which allow achieving historical and socio-cultural concreteness of the phenomenon understanding. The novelty of the material is in the philosophical substantiation of the loss by contemporary terrorism of reasonability because of violating the main systemic requirement – to determine the goal and the means of its achievement by the concreteness “space – time”. Terror has lost its status of necessity, terrorism – of “validity” and “reasonableness”.

Key words and phrases: terror; terrorism; goals of activity; means of achievement; scientific cognition; systemic approach; dialectic thinking; history.

УДК 930:94(470.41)
Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу основных тенденций исследования длинных волн в доиндустриальную эпоху. Рассмотрено формирование данного направления, его место в историографии кондратьевских волн. Представлен анализ дискуссий о начале длинных волн в экономике, факторах и механизме экономических циклов в доиндустриальную эпоху. Автор полагает, что для развития концепции больших экономических циклов наибольшим эвристическим потенциалом обладают исследования длинных волн доиндустриальных экономик неевропейских стран, а также обобщающие историографические исследования.

Ключевые слова и фразы: Н. Д. Кондратьев; концепция больших циклов; историография; кондратьевские волны; аграрные длинные волны; доиндустриальная эпоха; капитализм; факторы экономических циклов.

Мустафин Артур Рашидович
Казанский (Приволжский) федеральный университет
art-staf@yandex.ru

ДЛИННЫЕ ВОЛНЫ В ДОИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ©

Большинство исследований в области больших циклов Н. Д. Кондратьева относится к изучению экономической динамики промышленного капитализма, т.е. XIX-XX вв. Однако существует особое направление исследований, посвященное изучению длинных волн в доиндустриальной экономике. Данное направление обладает большим эвристическим потенциалом для развития концепции Н. Д. Кондратьева, поскольку обогащает ее постановкой новых проблем и вопросов. Выявим и проанализируем основные тенденции этого изучения.

Известно, что в 1920-е гг. Н. Д. Кондратьев описал и обосновал «большие циклы конъюнктуры» на достаточно ограниченном эмпирическом материале. Построенные им для анализа временные ряды охватывали 140-летний период, отражая динамику ряда экономических показателей Великобритании, Франции, Германии, США конца XVIII – начала XX в. Расширить хронологические рамки исследования Н. Д. Кондратьеву не позволяло практическое отсутствие релевантного статистического материала за более ранний период [3, с. 345]. При этом автор концепции связывал существование больших циклов с наличием в капиталистическом укладе определенных условий [Там же, с. 388-393]. Исходя из этого, можно было бы сделать вывод, что в докапиталистических экономиках большие циклы не могут быть обнаружены.

© Мустафин А. Р., 2015